

Сергей Чапнин,
ответственный редактор
«Журнала Московской Патриархии»

Церковь, культура, русский национализм

Эти тезисы были подготовлены для моего выступления на ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 9 апреля 2011. Однако мне показалось важным представить их также церковной аудитории, и я благодарен организаторам VII Библейских чтений памяти прот. Александра Меня за представленную возможность.

Что с нами происходит? Ответить на это вопрос возможно лишь в том случае, если мы ставим своей задачей представить образ происходящего, создать модель. В этом докладе я делаю попытку построить модель происходящего на основе отношения к советскому/постсоветскому в современной светской и в особенности церковной культуре и обозначить связанные с этим опасности. Добавлю, что модель – это всегда упрощение, не реальная ситуация, но приближение к ней.

Я не ставлю своей задачей представить позицию Русской Православной Церкви по этим вопросам. Это скорее размышление о церковном контексте проблем современной русской культуры и русского национализма.

Культура: постсоветское versus русское

Мы находимся в *постимперском* состоянии. Даже двадцать лет спустя мы не можем равнодушно говорить о распаде Советского Союза. Однако мы по-прежнему хотим называть наш мир *русским*. Мы хотим говорить о *русском* народе и *русской* культуре. Между тем, всё это уже давно советское или, точнее, *постсоветское*. И это не «замороженное» постсоветское двадцатилетней давности, а активно развивающееся. Я убежден, что мы используем неверные понятия для описания окружающей нас реальности.

Ценности постсоветской культуры весьма противоречивы, и не складываются в единую картину. Эти внутренние противоречия привели к тому, что мы утратили способность говорить о себе, о предках, друг о друге *положительно*, создавать убедительные и привлекательные образы. Во всяком созданном сегодня образе есть подвох - или что-то идеологическое неприемлемое, или издевательское, или картонно-пластмассовое.

Ни в высокой культуре, ни в массовой нет положительного образа современной России. Мы сами себе не нравимся и друг друга не уважаем. Что уж тут претендовать на то, чтобы нравиться другим? И какая тут может быть модернизация?

Цельный образ настоящего отсутствует. Образ прошлого мифологизирован, в нем есть проявленное героическое, и табуированное трагическое. Нет и ясного образа нашего будущего.

В центре национальной системы ценностей и одновременно – со всеми плюсами и минусами – в центре новой национальной мифологии находится лишь одно событие – *Великая Победа* в Великой Отечественной войне. Эта победа воспринимается как единственное «*священное*» событие нашей истории XX века. Празднование Дня Победы сконструировано как религиозное действие, в котором участвует – или, по крайней мере, которому сочувствуют – большинство россиян.

Так формируется подобие гражданской религии со своими правилами и ритуалами. Тема победы настолько «*свята*», что говорить о ней можно только в тех рамках, которые усвоены массовым постсоветским сознанием¹.

Между тем, в основе этой гражданской религии лежат языческие ценности, смыслы и символы, лишь отчасти модернизированные коммунистической пропагандой.

Вечный огонь

Ритуальные формы этой религии, в частности, предполагают *всеобщее поклонение огню*. Давайте задумаемся: и руководители государства, и простые граждане приходят поклониться огню, который извергается из пятиконечной звезды, лежащей на земле...

[*Всё, что в этом разделе будет сказано далее, обращено исключительно к христианам и тем, кто принимает христианские образы и символы. Полагаю, что людям нерелигиозным или безразлично относящимся к христианской символике, для правильного понимания текста необходимы значительно более пространственные пояснения.*]

Огонь – многозначный символ. В рамках христианской культуры следует различать огонь Божоявления (например, образ горящего и несгорающего куста - Неопалимой купины) и огонь суда и проклятия: «Идите от Меня, проклятые, *в огонь вечный*» (Мф. 25, 41).

Однако огонь, выходящий из земли, всегда есть образ ада, геены огненной, гнева Божия...² В утреннем молитвенном правиле православные христиане молятся ко Пресвятой Богородице: «Избави мя *огня вечнующаго*, и червия же злаго, и тартара».³

В «Мыслях на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия» святитель Феофан Затворник пишет:

«Долго спускал Господь Содому и Гоморре. Они же вместо вразумления спешили на верх нечестия, зато, когда не чаяли, поражены огнем, во образе *вечного огня*, ожидающего нечестующих. Не миновать и тебе этого огня, если пойдешь теми же путями. Приводи все это на память, сидя сам с собою, особенно в ночной тишине и темноте, и возгревая тем страх Божий, страшись греха, как бы в нем подкрадывался к тебе пламень *огня вечнующего*».⁴

Однако сегодня отдельные православные священники, как, например, преподаватель Московской Духовной Академии иеромонах Тихон (Зимин), готовы оправдать практику поклонению вечному огню из пастырских соображений: «Мы должны с пониманием относиться к тому, что для многочисленных ветеранов и людей старшего поколения эти символы имеют ценность, мы должны щадить их чувства».⁵ Однако некоторые идут еще дальше и готовы признать, что вечный огонь – это *гражданская святыня*.⁶ На эту формулу следует обратить пристальное внимание. С христианской точки зрения соединение этих двух слов невозможно. Святость – это неотъемлемое качество Бога. Всё остальное свято лишь постольку, поскольку приближается к Нему. Поэтому употреблять понятие святости в светском, гражданском контексте невозможно. Но ситуация меняется, если идет формирование гражданской религии, которая требует *парарелигиозной риторики и ритуала*.

Этой риторикой уже вполне овладели высшие российские чиновники. Ярким проявлением такой постсоветской религиозности является высказывание Анатолия Лыскова, председателя Комитета Совета Федерации по правовым и судебным вопросам, представителя в СФ от администрации Липецкой области. «Как для православных святынями являются Рождество, Пасха, так для меня святой День Победы, - заявил Лысков.- Может быть, для кого-то это сравнение покажется и неправильным, но для меня это так».⁷

Что же происходит с культурой, в центре которой находится «День Победы»? На мой взгляд, у этой культуры формируются весьма опасные черты:

- сохранение и культивирование «образа врага»;

- тотальная героизация войны, превращение ее в лубок и забвение войны как трагедии;
- острое переживание ущемленной национальной гордости («Мы же победители, а теперь смотрите, как мы унижены»);
- примитивное (языческое) понимание патриотизма;
- оправдание победой всего, что случилось с Россией в XX веке, и прежде всего тоталитарного режима и лично Сталина.⁸

В последние годы обостряется конфликт между постсоветской гражданской религией и русской культурой, вдохновленной евангельским идеалом.

Для Русской Православной Церкви особую остроту приобретает вопрос о том, почему сегодня оказывается «недостаточно» традиционных форм поминовения павших – заупокойной литургии, панихиды, литии? С каких пор молитва в храме на 9 мая оказалась «ущербной» и непременно требующей «дополнения»? Почему возложение цветов к вечному огню приравнивается к молитве, хотя это всего лишь молчаливое возложение цветов? Не это ли яркое проявление секуляризации? Подчеркну особо: к памяти павших мои слова не относятся, только к тем странным формам, которые остались нам в наследство от советской эпохи.

Церковь и современная культура

Здесь мы подходим к очень важному вопросу: как Церковь относится к современной культуре и какое место в ней занимает?

Исследований никто не ведет, однако очевидно, что единого (соборного) ответа у Церкви нет. И вряд ли Русская Православная Церковь - *большая Церковь* - может сегодня сформировать единую позицию по вопросам, которые не являются сугубо церковными.

Во второй половине XX века в Церкви параллельно развивались несколько во многом самостоятельных субкультур, причем каждая из них – прямо или косвенно претендует на то, чтобы бы быть выразителем подлинно церковного опыта.

Первая церковная субкультура готова инкорпорировать элементы советской культуры, и делает это, утверждая, что *советская культура более христианская* по своему содержанию, чем современная массовая культура.

Это наиболее многочисленная группа. В нее входят практически все неопиты, в том числе и принявшие священные сан в последние 10-15 лет. В эту группу естественно входят и те православные, которые заявляют о своем членстве в коммунистической партии⁹ или прямо говорят о своих глубоких симпатиях к советскому прошлому.

Для этой группы характерно стремление к социальной и культурной самоизоляции, крайнее недоверие к любым формам «западного», оформленное целым рядом стойких мифов. Эти мифы, как правило, специфически церковные:

- угроза экуменизма, понимаемого буквально как подчинение Православной Церкви католикам или протестантам;
- угроза «неообновленчества», понимаемого как любое отступление от сложившихся в последние десятилетия богослужебных традиций;
- вера в старцев и шире – потребность в жестком, авторитарном стиле духовного руководства;
- крайняя степень недоверия к государству, ведущего «антинародную политику» и внедряющего средства тотального электронного контроля, СНИЛС, УЭК и ювенальную юстицию и т.п., причем всё это необходимо критиковать не с гражданских, а именно с богословских позиций.

Обобщая можно сказать, что это *православие без традиции*, то есть усвоенное без личного опыта общения, по книгам или суррогатным курсам.

Ее представители продолжают бороться с церковными проблемами ушедшей советской эпохи – экуменизмом и агентами КГБ внутри Церкви, но сегодня это уже не реальные проблемы, а фантомные боли.

В недрах этой группы формируется то, что поэт и публицист Ольга Седакова назвала *церковной идеологией*. Эта идеология «защищает своего адепта от встречи с реальностью и от встречи с Богом, предлагая ему иной, *лучший мир*, где все ясно и все правильно».¹⁰

Принять эту субкультуру за Православие очень просто, а разобраться, что это именно *субкультура*, а не само Православие, гораздо сложнее. Эта субкультура, очень цепкая, старается никого не отпускать. Те же, кто все-таки «вырастают из субкультурной церковности, расцениваются ею как гордецы, либералы, модернисты, «апостаты», разрушители церковных уставов и т.п.»¹¹

Вторая церковная субкультура сохраняет преемственность с церковным подпольем 1930-50-х годов, с прошедшими лагеря и тюрьмы священнослужителями дореволюционного воспитания. Эта группа *сознательно и последовательно не принимает ничего советского*. Однако делает это спокойно и неагрессивно, понимая, что многие годы могут уйти на преодоление советского даже внутри Церкви. Протоиерей Владимир Воробьев, ректор Свято-Тихоновского университета, говорит о *недоверии* внутри Церкви как о «тяжелом наследии советского прошлого».¹² При этом вторая субкультура открыта к современной высокой (не массовой) культуре.

Представители этой группы хорошо понимают универсальный характер восточно-христианской культуры, но знают, любят и ценят те формы культурной традиции, которые сложились в лоне русского Православия.

Эта церковная субкультура, в целом весьма немногочисленная, состоит из двух основных групп. Во-первых, это несколько десятков больших приходов преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге. Как общины они достаточно замкнуты, но их миссионерская, образовательная и благотворительная деятельность известна очень широко.

Опорой этой группы являются священники, которым сейчас по 60-70 лет, и не ясно, как следующее поколение сможет сохранить эти умонастроения. Что сохранится? Что претерпит изменения? Ответов на эти вопросы сегодня нет.

Во-вторых, это приходы Зарубежной Церкви (преимущественно в Европе, Северной Америке и Австралии), состоящие из потомков белой эмиграции. Их также становится всё меньше...

В церковное управление представители этой группы как правило не рекрутируются, поэтому их влияние в большинстве случаев можно почувствовать только на уровне личной коммуникации.

Наконец, **третья церковная субкультура** - как и положено в эпоху постмодерна - с одной стороны заявляет о своей связи с церковным катакомбами, по крайней мере, имитирует эту связь, но с другой стороны полностью воспроизводит советскую культурную матрицу. По сути эта группа сохранила стилистку советской пропаганды и лишь заменила ряд терминов и понятий: «Советский Союз» на «Святая Русь», «коммунистический» на «православный» и т.п.

Вербальное и шире – публичное – выражение этой группы нередко выглядит малоубедительно и даже карикатурно.

Вот, например, священник Александр Шумский комментирует землетрясение в Японии на портале «Русская народная линия»:

«Практически все русские люди, в один голос, не сговариваясь, утверждают, что страшный природный катаклизм в Японии есть возмездие этой стране за оскорбление нашего Отечества... После посещения Курильских островов российским Президентом в Японии топтали его портреты, сжигали и рвали российский флаг. Флаг любой страны есть её главный символ. Разрывание и сжигание флага означает символическое уничтожение страны. За символическими действиями, как правило, следуют практические, Япония к ним, очевидно, готовилась. Вот и вернул ей Господь бумерангом то, что причитается за ошибочные символические действия и намерения».¹³

Из этих слов вырастает образ жестокого и беспощадного жреца некой национальной веры, который готов проклясть всё, что покушается на постсоветскую гражданскую религию.

Очевидно, что третья группа – это носители полусектантского сознания внутри Церкви. Именно из них рекрутируются различные «затворники» типа «пензенских сидельцев» и большинство активистов так называемых «православных пикетов».

Национализм

В последние три-пять лет в Церкви растет внутреннее напряжение между формой (именем) и содержанием. Дело в том, что последние 70 лет Церковь в России называется

Русской Православной (до октябрьского переворота – Российской Греко-Кафолической), и сегодня великороссы претендуют на то, чтобы по своей национальной идентичности Церковь была русской в узком смысле слова.

Однако в составе Русской Православной Церкви находятся автономные, в большей или меньшей степени самоуправляемые Церкви Украины, Белоруссии, Молдовы и Прибалтики. Если русский национализм станет основой культурной политики Московского Патриархата, то он неминуемо займется подавлением других национальных/местных традиций. Однако желаемой националистами унификации не будет. Результат будет противоположным - отделение тех общин, которые придерживаются своих национальных традиций.

В конечном итоге это может привести к дезинтеграции Московского Патриархата и существенному сокращению его канонической территории. Таким образом, русский национализм следует назвать одной из серьезнейших угроз для Церкви.

И надо сказать, что Патриарх Кирилл занял очень четкую, даже жесткую позицию:

«Нужно создать невыносимые условия для деятельности любых радикальных групп как среди этнических меньшинств, находящихся в диаспоре, так и среди коренного большинства»¹⁴.

В заявлении Патриарха после беспорядков на Манежной площади не было ни слова, ни намек на поддержку или симпатию к русским националистам. И это вызвало недоумение, которое было грубо озвучено Константином Кинчевым, лидером рок-группы «Алиса», на встрече с православной молодежью:

«Мне бы хотелось, чтобы Русская Православная Церковь, а точнее, наш Патриарх Кирилл не боялся слова «русский» и обращался к нам «русские братья и сестры». Меня расстроила речь Патриарха после событий на Манежке».¹⁵

Два года назад Патриарх Кирилл впервые заявил о «Русском мире». Формирование концепции не случайно - это попытка преодолеть реальную угрозу радикализации русских националистов внутри Церкви. Концепция «Русского мира» должна привести с одной стороны к локализации русского национализма, с другой – к представлению русской культуры как универсальной христианской культуры славянских народов, а русского языка как языка международного общения.

Как и на чем строить будущее?

Вопрос не в программах и не в финансировании. Первая и главная перемена, которая должна произойти – это преодоление *декларативного* характера системы ценностей. Мы уже привыкли, что разговор о ценностях ни к чему не обязывает. Можно запросто сказать одно, а сделать прямо противоположное. Никто не осудит, на репутации это не скажется.

И это тоже важная и очень удобная часть постсоветской религии. Я сам выбираю, какие нравственные нормы и принципы соблюдать сегодня или завтра.

Преодолеть такое раздвоение сознания можно только совершив *нравственное усилие*. Однако какова мотивация? Зачем это усилие совершать? И здесь ключевым становится *образ будущего*. Каким мы его видим для народа? Для страны? Для своей семьи? Взаимное отчуждение государства и общества не дает возможности найти общий ответ.

Подвох в том, что здесь постсоветская гражданская религия уже не поможет. Она «работает» только тогда, когда общество и государство целиком обращены к прошлому. Образ будущего в этой системе координат сформировать невозможно – он уже потерпел крах на рубеже 1980-90-х годов.

Да, и Православие в России сегодня тоже во многом обращено в прошлое, но оно имеет эсхатологическое видение, может говорить о месте народа в истории, переосмыслять прошлое, давать ценностные ориентиры... Но без «встречных» нравственных усилий Церкви и общества всё это останется только *возможностью*.

Реалистично смотрится и другой сценарий: отказ от любых нравственных усилий, отказ от формирования культуры будущего. И надо сказать, что этот сценарий пока более вероятен.

Вопрос в том, кто и какие усилия готов приложить для решения этой задачи. Если внутри страны не будет сформирована реальная культурная политика, она будет задана извне. В условиях глобального общества это не так сложно.

1 Поэтому приветствуются фильмы типа «Мы из будущего» и не приветствуются фильмы типа «Рио-Рита» - о поражении поколения победителей.

[2](http://www.kadashi.ru/mb/2/vechogon.html) Подробнее об этом см. Сологуб Валентина. Вечный огонь. // <http://www.kadashi.ru/mb/2/vechogon.html>

[3](#) Утреннее молитвенное правило. Молитва седьмая ко Пресвятой Богородице. Русский перевод: «Избавь меня от огня вечного, злого червя и преисподней».

[4](#) Феофан Затворник, святитель. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. // Цит. по: <http://ni-ka.com.ua/index.php?Lev=everyday>

[5](#) Религия и день Победы - мнения священнослужителей. // <http://www.regions.ru/news/2356542/>

[6](#) Священник Евгений Смирнов: «Что касается Вечного огня - это символ светский, но Церковь относится к нему как к гражданской святыне. Ведь он учреждён не в честь какого-то отдельного правителя, или какой-то идеологии, а в память о воинах, отдавших жизнь за правое дело». // http://skatinfo.ru/also/also_166.html - 5 октября 2010.

[7](#) Не надо учить русских, как праздновать день Победы (мнения парламентариев). // <http://www.regions.ru/news/2356401/>

[8](#) Рой Медведев: «Вижу, что в стране растет выпуск тенденциозной, псевдоисторической литературы, в том числе книг, восхваляющих Сталина и сталинизм. Никакие критерии научного качества при этом не выдерживаются. Идет прямая пропаганда сталинизма, полное отрицание того, что Сталин совершал какие-то преступления». // Рой Медведев. В сталинской редакции. // Московские новости, 15 апреля 2011 // <http://www.mn.ru/society/20110415/301062130.html>

[9](#) Представители КПРФ утверждают, что таких около 30 процентов.

[10](#) Ольга Седакова. Субкультура или идеология? // <http://religo.ru/columns/14179>

[11](#) Петр (Мещениров), игумен. В защиту расцерковления // <http://religo.ru/columns/13874>

[12](#) Владимир Воробьев, прот. Быть талантливыми, умными, самостоятельными и трудиться для Церкви // http://e-vestnik.ru/church/prot._vladimir_vorobev_3103/

[13](#) Свящ. Александр Шумский. Конец «японского чуда» // http://ruskline.ru/news_rl/2011/03/14/konec_yaponskogo_chuda/

[14](#) Заявление Святейшего Патриарха Кирилла в связи с беспорядками на Манежной площади // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1341558.html>

[15](#) Костю Кинчева расстроил патриарх Кирилл. // <http://kp.ru/daily/25661/823958/>